

Здравствуй, мама! Мне выпала минутка поговорить с тобой. Прости за мои редкие, короткие письма. Но что я мог тебе писать? «Жив, здоров, люблю, целую. Сын». Всё. О службе писать можно было только одно: «Всё идёт нормально». Хотя не всегда всё шло нормально и не всегда я был здоров. Трижды за эти годы пришлось отлёживаться в лазарете и госпитале после ранений. Но тебе этого знать было нельзя. А сейчас я могу немного пооткровенничать с тобой.

Этот разговор никогда не станет письмом, и ты его не получишь в почтовом конверте. Разве что, мысленно, до тебя долетит это моё последнее послание. Говорят, такое возможно между любящими и близкими людьми. Надеюсь, до тебя домчатся мои биотоки с последним прощальным объятием. Тебе же, скорее всего, придёт официальная бумага: «Ваш сын погиб вследствие несчастного случая. Похоронен по месту гибели в г. N N-ской области». Так у нас положено, мама. И мы знали, на что шли, когда принимали присягу, проходили учёбу и спецподготовку, уходили на выполнение заданий и возвращались назад. Иногда возвращались не все. Но мы были готовы к этому. Надеюсь, ты поймёшь меня, мама, как понимала всегда. Мы не играем в героев и суперменов, не ищем приключений, а просто, честно и добросовестно делаем то, чему нас обучали.

Ты думаешь, мне не страшно, мама? Страшно. Умирать никому не хочется, тем более молодым. Но если постоянно думать о смерти – это будет уже не жизнь, а тихое помешательство. А если думать о ней нам, воинам, – то лучше сразу уходить на гражданку. Конечно, о ней помнишь, но это где-то там, в глубине сознания. Нельзя этому страху дать овладеть тобой – тогда гибель неизбежна. В первом же боестолкновении. Мы всегда нацелены на выполнение задания и на то, как выжить, а не как умереть.

Все мы когда-нибудь уйдём в иной мир. Но уходить можно по-разному. И лучше, мам, умереть в бою, сознавая, что уходишь не зря. Дорога выбрана. Она – твоя. Как далеко ты пройдёшь по ней – неизвестно. Но это твой путь. Я сейчас не геройствую, мама, не прячу свой страх за громкими словами. Я – боюсь. Но я должен дать шанс выжить другим. Даже ценой своей жизни. Так было, так есть и так будет.

Вот я разболтался! Многое хочется тебе сказать за то время, что мне даровал док Володя (наш военфельдшер). Он у нас дока в своём деле, как и во многом другом. Сейчас поясню. Хорошо, что могу говорить с тобой откровенно почти обо всём. На этот раз мне не повезло, мама. Нам с Пашей не повезло. Такое и раньше случалось. На моей памяти, дважды. И вот – наш жребий...

Всё шло нормально, мама. Задачу группа выполнила, и мы возвращались назад. До точки, откуда нас должен был забрать вертолёт, было всего часа три хорошего хода, но мы нарвались на непонятно откуда взявшуюся мобильную группу противника. Вступили в скоротечный бой. В результате – два «тяжёлых» – я и Паша. Как видишь, мама, чисто уйти не удалось. Мы оторвались ненадолго. Ребята тащили нас с Пашей на себе. Мы укрылись в болотистом, предгорном леске, через который проходила старая, заброшенная дорога. У Паши сидела пуля в животе, а у меня была перебита левая голень. В обычных условиях – ничего особенного, но с нами на плечах группе не уйти. И даже если бы мы смогли оторваться от преследования – мы бы не успели выйти в контрольное время к точке эвакуации. Вот такие, мама, получились «вилы»...

По неписанным законам мы с Пашей остаёмся прикрывать отход группы. Шансов на то, что мы останемся в живых – ноль. Поэтому мы должны задержать облаву на максимальное время, а потом... Потом, мама, будет самоподрыв. Мы никогда не оставляем для себя последний патрон. У нас – заветная, последняя граната. Причём подорвать её нужно, когда руки заведены за затылок, изображая сдачу в плен. Так рекомендуется. Во-первых: гарантия ухода 100 процентов; во-вторых: идентификацию провести невозможно. А в общем – по обстоятельствам. Главное – усики у чеки уже сжаты, и остаётся сделать лёгкое движение пальцем, дёрнув за кольцо...

Ты не переживай, мама, я погибну мгновенно и легко. Почему не от пули противника? Да потому, что им необходимо взять кого-то живым. Противнику нужно выжать из пленного максимум информации, а более – идентифицировать его. Ну, посуди сама,

мама, что они получают? Убитого, непонятно в каком и чьего производства камуфляже, с оружием зарубежного производства и пустыми карманами, без единой бумажки или предмета, которые могут пролить свет на происхождение бойца. Звать нас: Никак, мы – Никто и Ниоткуда. Поэтому плен нам противопоказан. Для нашей же пользы. Финал ожидает тот же, только мучений перенесёшь больше, а так – сразу и всё. Нас готовили, мама. И к такому исходу тоже. Так что не беспокойся за меня, я выполню свой долг до конца так же, как это делали другие. Ребятам надо дойти до «вертушки». Тем более, что уже потеряно время, а у нас всё рассчитано по минутам. Дай им Бог!

Я тебе уже говорил, что наш док Володя, вколлот нам с Пашей какое-то снадобье, достав, как драгоценность, два шприц-тюбика из своей сумки. Что это такое – не сказал (всё у него секретное, даже от нас!), но убедил: «Тридцать минут актива я вам, парни, гарантирую, а потом уповайте на себя и «Ф-1» (это, мам, граната такая). Ты прости, я тут наговорил столько страстей, но иначе не мог: мне нужно с кем-то говорить, излить душу – так мне легче ожидать предстоящее. А ближе и роднее тебя у меня никого нет. Не думай, мама, что я в наркотическом опьянении. Это совсем другое: чувствую себя отлично, полон сил, нога надёжно зашинурована, даже могу передвигаться безболезненно. Только что будет после окончания действия препарата – узнаю, если доживу. Паше, вот, посложнее. Док ему затампонировал рану, но с внутренним кровотечением его ненадолго хватит. Он метрах в тридцати от меня, на противоположной стороне старой дороги, по которой ушла группа. Минут через десять дорогу нащупают «охотники» и бросятся вслед. Вот тут-то мы их с Пашей и тормознём.

Столько хочется успеть сказать тебе, мама, потому что когда ввяжемся в бой, будет не до разговоров. Я благодарен тебе за то, что ты вырастила и воспитала меня таким, какой я есть. Отец бы тоже гордился мной, как хорошим, дисциплинированным солдатом. Жаль, что он так рано ушёл из жизни. Теперь, вот, моя очередь... Но ты, мама, держись, когда принесут извещение. Я ухожу не зря. И всё, что я делал – я делал для своей страны и её людей, а значит и для тебя.

Стоп, мам! Полезли! Ну, ребята, получите «гостинец»! Ничего личного, как говорят! Затихли... Не нравится под пули лезть... Так не надо было и за оружие браться!

Что там у нас по времени? Ещё пятнадцать минут «актива» от дока Вовы! Живём!

Ну, а теперь, поговорим о главном, о том, что угнетает меня сейчас больше всего. Я очень виноват, что не сделал вовремя всё, как надо... Виноват перед тобой и ещё перед двумя людьми... Даже – тремя! Так будет правильной сказать. Сейчас ты всё поймёшь и, надеюсь, простишь своего непутёвого сына...

Мама, ты всё ругала меня: «Когда женишься? Уже 24 года, а всё холостым ходишь! Вон, однокашники твои все при семьях. Да и внуков бы мне пора понянчить!» А я всё тянул до последнего, не писал тебе ничего, чтобы не сглазить... Хотел нынче приехать в отпуск с чудесной женщиной и сказать тебе, что она будет моей женой. У неё уже есть славненькая дочурка трёх лет, а вскоре мы ожидаем прибавления в семействе. Вот у тебя сразу бы и невестка появилась и пара внучат!

Ты не осуждай, мама, ни меня, ни её. У Лены так сложилось в жизни: не того человека встретила, а я... Я её люблю! И она меня! И девочка, Людочка, дочка, уже меня папой называет! Вот только как сложится у Лены сейчас, не знаю... Тебе про неё неизвестно ничего, мы не зарегистрированы, собирались в отпуске... Ребята ей, конечно, помогут на первых порах, поддержат. А вот как сложится дальше... Я думаю: и парни, и она объяснят тебе всё, и ты примешь её, как дочь. Хочется верить в это, мама! Я же знаю тебя! Ты не сможешь поступить иначе! Договорились? Ну, вот, мне уже во много раз легче стало! Всё никак не мог подойти к этой теме. Но ты у меня мудрая женщина: и поймёшь, и поверишь, и примешь, и простишь...

Началось! Опять полезли! Что они делают, гады!? По Пашке огнём сработали! Рвануло! Нет больше Паши! Подбираются ко мне. Не стреляют. Я им живой нужен. А ну-ка, как вам это? Не в жилу гранаты!? Это вам за Пашу! За себя я ещё вам накостыляю!

Притихли... Думают, наверное, что им выгодней: живой «трёхсотый» (знают, что на прикрытие раненые остаются) или захват, пусть не всех, но кого-либо из группы... Вот и соображают... Думайте, ребята, думайте! Время тикает и играет в нашу пользу! А я пока переберусь потихоньку вон за тот, упавший в болото ствол дерева с мощной кроной. Хорошее местечко! Стою по грудь в болоте, но на относительно твёрдом дне. Надёжно прикрыт стволом, а через развесистую крону можно вести отсекающий огонь. Позиция, что надо. Жду, господи! Как там со временем? Ещё семь минут «актива»? Ай, да док! Это же целая вечность в моём положении!

Мама, я почему про Лену тебе не писал – как я сказал раньше – боялся сглазить и ещё: я помню и знаю твоё отношение к

Наталье. Как ты мне всё это время твердила: «Прости её, сынок! Ну, заставили её родители выйти замуж, ребёнка родила... Ну и что?» Да я давно её простил мама! Посходил с ума, конечно, когда получил от неё письмо о замужестве с предложением «остаться друзьями». Чуть глупостей не наворотил. Но постепенно перегорело всё... Мы ведь потом встречались, когда я в отпуск приезжал. Она готова была разойтись с мужем и уйти ко мне. Но я не смог переступить через предательство. Прости меня, мама, но теперь у тебя будут Лена с Людочкой и ещё один внук или внучка! Полюби Лену, как когда-то полюбила Наталью. Это моя последняя просьба к тебе. Ребята её передадут. Я их просил об этом. Поклялись. А клятву, данную погибшим (а я уже погиб) не нарушают. Только ты прими её! Заклинаю! И только бы ребята смогли прорваться и добраться домой! А вот тут я им помогу, как смогу!

Что это? Дымовые шашки! Что-то новенькое! Всё же решили брать меня живым! Вперёд, воины! Берите! Я жду! Вот вам! Вот! Да сколько же вас... Всё, мамочка! Прости и прощай! Я тебя люб.....

Совершив невероятный по нагрузкам марш-бросок, группа сумела не только оторваться от преследователей, но и вышла в контрольное время в точку эвакуации. За выполнение задания, командование поощрило личный состав. Потери – двое погибших бойцов – были отнесены в разряд неизбежных, процент которых всегда учитывается при разработке оперативно-тактических задач и спецопераций...